

СТРАХ. ПОЧТЕНИЕ. УЖАС

Пер. с англ. – Татьяна Азаркович [ред. пер. – Александр Филиппов]
по изданию: Carlo Ginzburg © Fear Reverence Terror. Reading Hobbes Today //
Max Weber Lecture Series (MWP–LS 2008/05).

For presentational & educational purposes only
(серия lettera.org: 030)

СТРАХ. ПОЧТЕНИЕ. УЖАС

Перечитывая Гоббса в наши дни

1. Я буду вести речь об ужасе (terror), а не о терроризме. Я убежден, что такое слово, как «терроризм», отнюдь не помогает нам понять те чудовищные действия, которые оно обычно обозначает: чересчур оно расплывчато, чересчур широко. Ужас (ощущение террора), как и терроризм – неотъемлемая часть нашего настоящего: но я буду вести речь не о настоящем. Иногда полезно держаться от настоящего на расстоянии, полезно оградить себя от непрерывного шума новостей, окружающих нас. Чтобы понять настоящее, мы должны научиться смотреть на него со стороны. Или, если прибегнуть к иному сравнению, мы должны научиться смотреть на него сквозь перевернутый бинокль. В конце концов, я еще вернусь к настоящему в этом разговоре, но в несколько неожиданном контексте. Я еще скажу кое-что о настоящем – и даже несколько слов о будущем. Но сделаю я это лишь после того, как одолею долгий путь: я подойду к этому, так сказать, издалека.

2. В недавнее время (можно даже уточнить – после 11 сентября 2001 года) комментаторы политических событий стали часто упоминать имя Гоббса – автора «Левиафана».* Эти имена – Гоббс, «Левиафан» – немедленно вызывают в памяти жесткие, отрезвляющие фразы: «война всех против всех» (*bellum omnium contra omnes*) и «человек человеку – волк» (*homo homini lupus*). Давайте же присмотримся повнимательнее к философу, который высказал эти суждения. (Оговорюсь, впрочем, что второе изречение, *homo homini lupus*, восходит еще к античности.)

---

* C. Robin, *Fear. The History of a Political Idea*, Oxford 2004, p. 28 и всюду.

Томас Гоббс родился в Малмсбери в 1588 году в бедном семействе; отец, пьяница, вскоре пропал. Гоббс некоторое время служил в разных благородных семействах – вначале учителем, затем секретарем. Он был заядлым книголюбом и основательно изучил древнегреческий и латынь. Он перевел «Историю Пелопоннесской войны» Фукидида и опубликовал свой перевод в 1629 году.

В старину англичане из благородных семей завершали свое образование путешествием на континент (это называлось Большое путешествие), при этом обычно проводили особенно много времени во Франции и Италии. В одном из таких путешествий Гоббс сопровождал сына своего покровителя, лорда Кавендиша. В другой раз Гоббс ездил во Флоренцию, где познакомился с Галилеем. В Париже он познакомился с Мареном Мерсенном – ученым монахом, вокруг которого группировались различные интеллектуалы. Через Мерсенна Гоббс завязал переписку с Декартом и высказал ряд суждений против его философии. В ту пору Гоббсу было сорок пять лет; он еще не публиковал никаких работ по философии, однако уже записал ряд размышлений, облеченных в дедуктивную форму. Привела к этому случайность. Несколькоми годами ранее, будучи в гостях у некоего аристократа (личность его до сих пор не установлена), Гоббс увидел книгу, лежавшую на столе. Это оказались «Начала» Евклида. Он раскрыл книгу наугад и, наткнувшись на утверждение, которое его возмутило, воскликнул: «Черт побери! Это невозможно!» После чего он прочел книгу от корки до корки, пока ему не стало ясно все. По словам его друга и биографа Обри, который и сообщает этот анекдот, «так он влюбился в геометрию».

Первое философское сочинение Гоббса называлось «Начала закона» – это была дань «Началам» Евклида. Посвящение Уильяму, графу Девонширскому, тогдашнему покровителю Гоббса, датировано 8-м мая 1640 года. В те дни только начинались события, позже получившие название «Великого Мятежа». Вражда между Карлом I и Парламентом усиливалась и усиливалась. Через несколько лет суждено было разгореться гражданской войне. В 1649 году Парламент выдвинул официальные обвинения против короля, после чего объявил ему смертный приговор. Это событие глубоко потрясло всю Европу.

Но Гоббс не стал дожидаться ухудшения политической ситуации. В ноябре 1640 года он перебрался из Англии в Париж и стал, как он позже сам напишет, «первым из беглецов». Он предпочел жить в изгнании, нежели подвергаться преследованию за промонархические высказывания в «Началах закона» – книге, которая вначале распространялась в виде рукописи, а затем в неряшливых сокращенных изданиях, к выпуску которых сам Гоббс не был причастен.

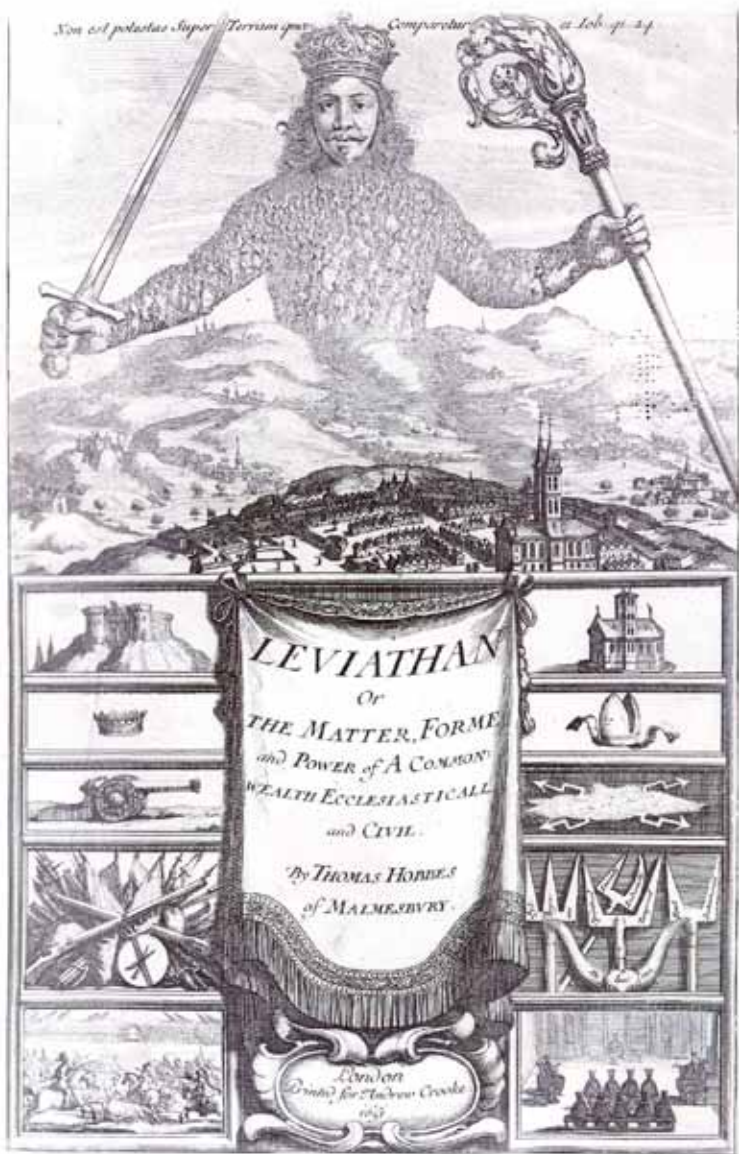
Гоббс потратил долгие, долгие годы на переписывание этой книги разными способами и на разных языках (латинском и английском): он расширял ее, изменял, исправлял.* Некоторые понятия, которые вначале появились у него в зачаточной форме, впоследствии приобретали все более и более сложный смысл. Одно из них – фундаментальное понятие: страх.

3. «Я родился с близнецом – страхом». Такое заявление Гоббс сделал уже под конец жизни, в автобиографической поэме, написанной на латыни. Действительно, родился он в ту пору, когда испанский флот – Непобедимая Армада – угрожал высадиться на английские берега. Упоминая о страхе, возможно, он желал признаться в своей человеческой слабости. Но не следует забывать: Гоббс был смелым мыслителем, любил диспуты и провокации, часто граничившие с дерзостью. Так что, быть может, его слова одновременно намекали, с некоторой гордостью, на решение поместить понятие страха в центр своей политической философии.

В «Началах закона» мы встречаем сжатое описание природного состояния, основанное на доводе, которого Гоббс придерживался до конца дней. В своем природном состоянии люди по существу равны и имеют одинаковые права (включая право нападать и защищаться): следовательно, они живут в состоянии нескончаемой войны, «всеобщей подозрительности», «взаимного страха».** Они могут положить конец этому невыносимому положению, лишь по взаимному соглашению частично отказавшись от своих прав: благодаря этому процессу они создают такой договор, который превращает бесформенную множество в политическое тело. Это и есть рождение Государства, которое Гоббс назовет Левиафаном: это имя, взятое из Книги Иова, обозначает кита, огромное морское чудовище, которого никто не

* N. Malcolm, «A Summary Biography of Hobbes», in Id., *Aspect of Hobbes*, Oxford 2002, p. 15.

** T. Hobbes, *The Elements of Law*, ed. by F. Tönnies, 2-е издание с новым предисловием M. M. Goldsmith, chapter 14, pp.70-74.

илл.1: Абрахам Босс, фронтиспис «Левиафана» (1651)

в силах поймать. На титульном листе «Левиафана» (илл.1) Гоббс приводит (в латинском переводе Святого Иеронима) слова из главы 41 Книги Иова: «Non est potestas super terram quae comparetur ei». Эта фраза, которая продолжается словами «qui factus est ut nullum timeret», буквально означает: «Нет на земле мощи, сравнимой с его [мощью], и сотворен он так, чтобы не бояться никого». В Библии короля Якова эта строка звучит так: «На земле нет подобного ему, он сотворен бесстрашным».**

О значении титульного листа (замысел которого, несомненно, принадлежал самому Гоббсу) я кое-что скажу позже. А пока ограничусь напоминанием о том, что, согласно Гоббсу, Государство родилось из договора, порожденного страхом. В Европе, раздираемой религиозными войнами, в Великобритании, разрываемой ожесточенными спорами между королем и Парламентом, Гоббс видел в роли верховного божества мир – благо, которое заслуживает любых жертв. Он отстаивал эту идею до самой смерти. Но может ли договор, обусловленный давлением, – как тот договор, который позволил воздвигнуться Государству на месте прежнего природного состояния, – считаться правомерным? Этот вопрос, который Гоббс детально рассматривал в «Началах закона», был созвучен той непростой проблеме, которую в ту пору часто затрагивали и протестантские, и католические богословы: допустимо ли давать ложную клятву, дабы избежать религиозного преследования.** Ответ Гоббса был недвусмысленным: договор правомерен, даже если он был заключен под давлением страха. Теперь, когда мы оглядываемся в прошлое, у нас создается впечатление, что он и не мог ответить иначе. В дискуссионной стратегии Гоббса страх играл фундаментальную – и даже скандальную – роль.

Время приглушило шум скандала. Однако для многих читателей-современников Гоббсово описание природного состояния человечества оказалось неприемлемым – прежде всего потому, что в нем отсутствовало всякое упоминание о Библии и о первородном грехе. Другой спорный довод, совершенно иного рода, можно прочесть между строк в предисловии, на-

* * Русский перевод приводится по тексту иерусалимского двуязычного издания книг Библии (Тора, Кетувим, Невиим) под редакцией Давида Йосифона (*прим. перев.*)

** По этой причине некоторые более или менее враждебно настроенные читатели-современники рассматривали «Левиафана» Гоббса как книгу, написанную в защиту режима Кромуэля: см. Q.Skinner, «Hobbes's Life in Philosophy», в Id., *Visions of Politics, III: Hobbes and Civil Science*, Cambridge, 2002, p.21. См. также J. P. Sommerville, «The 'new art of lying': equivocation, mental reservation, and casuistry», in *Conscience and Casuistry in Early Modern Europe*, ed. E. Leites, Cambridge 1988, pp. 159-84.

писанном Гоббсом для второго издания сочинения *De cive* («О гражданине»), выпущенного в Амстердаме в 1647 году. (Первое издание, анонимное, появилось в Париже в 1642 году.) В этом предисловии Гоббс описывал свой «метод». Чтобы понять, каковы происхождение и форма города, каковы истоки правосудия, мы должны выделить их составные части. Ведь точно так же, если мы хотим понять, как устроены часы, нам необходимо разобрать часовой механизм, иначе мы не поймем, какова функция каждого колесика и каждой пружинки.

Ученые читатели, которым и адресовалось латинское издание *De cive*, должны были немедленно опознать политическую мишень Гоббса: «Политику» Аристотеля. Мой «метод», утверждал Аристотель, состоит в том, чтобы выделить те первоосновы, на которых зиждется *полис* – город, или, иначе говоря, община граждан, политическое сообщество. Исходная точка у обоих совпадала, но далее их пути немедленно расходились. Для Аристотеля человек – общественное животное (*zoon politikon*): следовательно, *полис* существует в силу природы, он – естественное явление. В глазах Гоббса же, напротив, природное состояние характеризуется не общительностью, а напротив – войной всех против всех. Агрессия – неважно, реальная или потенциальная – порождает первый страх, а затем – стремление избавиться от этого страха, выработав некий договор, основанный на массовом отказе от своих природных прав. Город, или государство (*civitas*, иными словами, политическая, гражданская общность людей), возникшее в результате этого договора, – явление искусственное: такой вывод в некоторой степени уже предвосхищало Гоббсово сравнение общества с часовым механизмом.

4. Чтобы понять важность доводов Гоббса, нам нужно понять, как именно, какими путями, он пришел к их формулировке. Косвенный ответ можно получить от самого Гоббса. Он часто противопоставлял плодотворность естественных наук бесплодности нравственной философии, заявляя, что в качестве модели нравственного философа он рассматривает Евклида. Однако, как уже отмечалось, трудно всерьез поверить в то, что ум Гоббса пробудился внезапно, когда ему было уже за сорок, в тот миг, когда он взялся за чтение Евклидовых «Начал».* В предыдущие годы он работал над

* Впервые это отметил Л. Штраус в книге «*Политическая философия Томаса Гоббса*» [L. Strauss, *The Political Philosophy of Thomas Hobbes*, 1st ed. Oxford, 1936], Chicago 1961, p.29 и всюду. Вслед за Л. Штраусом,

переводом труда, который навеял множество размышлений, – над «Историей Пелопоннесской войны» Фукидида. Фрагмент, который давно уже привлекает внимание исследователей, взят из главы 53 второй книги, где Фукидид описывает последствия чумы, поразившей Афины в 429 г. до н.э. Но еще не все сказано о том, как Гоббс прочел и перевел этот фрагмент.

Вот описание Фукидида в переводе Гоббса:

«И великое бесстыдство, каковое и в иных обличьях бывало в городе, пошло поначалу от этой заразы. Ибо поступки, коих ранее люди стыдились бы, и не сознавались бы в том, что содеяли такое из сластолюбия, ныне совершали открыто; видели они перед собой столь быстрый оборот дел, когда богачи умирали, а имение их наследовали люди негодные. Поскольку они оправдывали торопливое пользование этим имением, даже для своего удовольствия; действовали как люди, которым жить осталось всего один день. К стяжанию же чести никто из людей помыслов не устремлял; ибо они не были уверены даже, долго ли еще проживут или умрут уже вскоре. Но все, что каждый почитал приятным, или служащим к удовольствию, то сразу становилось и выгодным, и почетным. Ни страх перед богами, ни человеческий закон не внушали трепета никому: первый – оттого, что людям казалось безразлично, будут они чтить богов или не будут, ибо видели, что всех равно постигает гибель; второй – оттого, что никто не надеялся прожить столько, чтобы его успела настичь кара по суду за содеянное преступление. Но они думали, что вот, теперь над их головами свершается суд куда более высокий: и пока эта кара на них не обрушилась, они хотели этой малой частицей жизни насладиться сполна».*

5. Глубокий анализ Фукидида начинается со слова *anomia*, которое означает «беззаконие» – или, точнее, исчезновение всякого закона под воздействием чумы.** Возник, как мы сказали

К. Скиннер посвятил подробное исследование тому, какую важную роль в интеллектуальном становлении Гоббса сыграло его гуманистическое образование (*Reason and Rhetoric in the Philosophy of Hobbes*, Cambridge 1996, pp. 3, 217). Критические замечания к прочтению влияния Аристотеля на Гоббса Штраусом см. у С. А. Вiano, «Analisi della vita emotiva e tecnica politica nella filosofia di Hobbes», *Rivista critica di storia della filosofia*, XVII (1962), pp. 355-392 (это важная статья, хотя ее часто оставляют без внимания). Хотя и мой подход, и мои выводы отличаются от подхода и выводов Вiano, я согласен с ним в том, что касается важности Фукидида для становления Гоббсовской мысли.

* Фукидид, *История Греческой войны*, перевод Томаса Гоббса (1629), в Hobbes, *English Works*, vol. 8, ed. W. Molesworth, London 1843 (reprint 1966), pp. 203-211, особенно pp. 208-209 (II, 53).

** М. Gigante, *Nomos basileus*, Napoli 1956, p.184; M. Orrù, *Anomie. History and Meanings*, London 1987.

бы сейчас, вакуум власти, который заполнило удовлетворение животных инстинктов. Но, что важно, слово *аномия* – понятие, которое впоследствии подхватят и заново сформулируют Дюркгейм и современные социологи, – в данном случае относилось не к одним только человеческим законам. Для людей, которым грозила неотвратимая смерть, сообщает Фукидид, даже страх перед богами стал пустым звуком.

Описанный Фукидидом распад политического тела неизбежно напоминает нам Гоббсову картину природного состояния человека. Они отражают друг друга: в пораженных чумой Афинах законы перестали существовать; в природном же состоянии законы еще не возникли. Есть соблазн предположить, что крайняя ситуация, описанная Фукидидом, могла подтолкнуть Гоббса к мысли о некоем умственном эксперименте – описании природного состояния, основанном на столь же крайней ситуации.

Но Гоббс-переводчик (на латыни «переводчик» – *interpres*) – навязал читателям собственную интерпретацию. У Фукидида написано: «*theon de phobos e anthronon nomos oudeis areirge*». Перевод в издании «Классической библиотеки» Лёба близко следует греческому тексту: «Ни страх перед богами, ни человеческий закон не *удерживал* [никого]».* Перевод Гоббса отступает от этого лишь на один шаг, лишь на одно слово: «Ни страх перед богами, ни человеческий закон не *внушали трепета* никому». По-моему, такое решение переводить греческий глагол *areirgein*, «удерживать» (как в буквальном, так и в переносном смысле) английским глаголом «*to awe*» [«внушать трепет, благоговейный страх»] можно рассматривать как первое и внезапное зарождение той идеи, которая впоследствии сыграла столь важную роль в нравственной философии Гоббса.

6. Чтобы понять дополнительные смыслы, подразумеваемые глаголом «*to awe*», который Гоббс ввел в свой перевод, я начну с книги, которая вышла в свет в Лондоне в 1613 году и затем несколько раз переиздавалась с дополнениями: «*Пёрчес. Его путешествие; или, Отношения Мира и Религий, Наблюдаемые во Все Эпохи и во Всех Знаемых Местах, от Сотворения Мира до Нынешнего Дня*». Автор этого толстого фолианта, англиканский священник Сэмюэль Пёрчес, использовал большое количество разных путевых записок

* Thucydides, *History of the Peloponnesian War. Books I and II*, trans. Ch. F. Smith, Cambridge, Mass. 1991, p.353.

и сочинений, описывавших обычаи и религии всего мира, чтобы воссоздать некое метафорическое странствие или паломничество.

Пёрчес и Гоббс были знакомы. Их имена значатся в документах правления Вирджинской компании – торгового предприятия, одним из главных акционеров которой являлся лорд Кавендиш, покровитель Гоббса. Главным занятием этой компании было освоение той части Нового Света, которая получила название Виргинии в честь королевы Елизаветы – «Королевы-Девственницы» («*Virgin Queen*»). Высказывались предположения, что несколько упоминаний об американских индейцах в трудах Гоббса навеяны именно книгой Пёрчеса.* Кстати, в главе, посвященной современным евреям и их мессианским надеждам, Пёрчес подробно рассказывал о двух огромных животных, упоминающихся в Книге Иова, – о Левиафане и Бегемоте.** Гоббс, скорее всего, заимствовал название для своей книги напрямую из Библии, которую усердно читал. Однако в вымышленном путешествии Пёрчеса по мировым религиям Гоббс мог почерпнуть другие интересные идеи.

Пёрчес считал, что колониальная экспансия Британии должна сильно способствовать религиозному объединению человечества и, следовательно, приблизит неминуемый конец света. Он верил, что такое религиозное слияние возможно, так как «религия сама по себе вещь врожденная, она начертана в сердцах всех людей».** Пёрчес решительно оспаривал доводы, выдвигаемые некоторыми нечестивцами, «каковые они не высказывают вслух, но осмеливаются нашептывать, будто Религия – это всего лишь продолжение обычая, или более мудрая Политика, измышленная для того, чтобы держать людей в страхе[awe]».**** Быть может, Гоббс, переводя Фукидида, держал в уме эту самую фразу, а существительное *awe* превратил в глагол *awed*? Исключить этого нельзя, но и утверждать наверняка невозможно: идея, выраженная Пёрчесом, в действительности имела широкое хождение, на что и указывает само его полемическое замечание. Его мишень становится ясной из пассажа, который следует немедленно после вышеупомянутой фразы: «Но каковы же истоки этого обычая? И что есть Обычай,

* N. Malcolm, «Hobbes, Sandys, and the Virginia Company» [1981], *Aspects of Hobbes*, pp. 56-79, особенно pp. 60-61.

** S. Purchas, *Purchas his Pilgrimages*, p. 181.

*** S. Purchas, *Purchas his Pilgrimages*, p. 15: «Religion in it selfe is naturall, written in the hearts of all men».

**** S. Purchas, *Purchas his Pilgrimages*, p. 26.

как не сходный образ действий, как не продолжение внешних Обрядов? Тогда как Религия пребывает средоточием всего, и сама порождает сии внешние церемонии. В одной Стране люди носят одежду одного покроя, в другой – другого. То же и с пищей: и вместе с тем, для всех равно естественно одеваться, еще естественнее питаться, но естественнее всего, как уже говорилось, соблюдать ту или иную Религию». Совершенно ясно, что Пёрчес метит в Монтеня. Его «Опыты» незадолго до того были переведены на английский язык Джоном Флорио – автором первого англо-итальянского словаря, чей отец ранее покинул Италию и отправился в изгнание как протестант.* В своем знаменитом эссе, озаглавленном «De la coustume et de ne changer aisément une loy reseüe» («Об обычаях и о том, отчего люди всегда неохотно отказываются от укоренившихся законов») Монтень доказывал, что всякое мнение, даже самое причудливое, основывается на каком-нибудь обычае, подкрепляющем его. Далее он замечал в скобках: «(je laisse à part la grossière imposture des religions)» («не стану и говорить о великом обмане религий»).** Это насмешливое, мнимо беззаботное замечание содержало намек на скандальное название *De tribus impostoribus* («Три обманщика») мифического сочинения (в ту пору еще не написанного), которое будто бы еще со Средних Веков изобличало как обманщиков Моисея, Иисуса и Магомета, основателей трех монотеистических религий Средиземноморья. Эта-то традиция, на которую намекал Монтень, и рассматривала религию одновременно как обычай и как политический инструмент, который помогает сдерживать импульсы невежественных людей. Пёрчес, в свою очередь, возражал Монтеню, что религия – явление естественное, даже более естественное, нежели еда или ношение одежды.

7. Отголоски чтения этих и других текстов можно уловить в главах 11 и 12 «Левиафана», которые озаглавлены, соответственно, «О различии манер» и «О религии»*** Гоббс

* M. Pfister, *Inglese Italianato – Italiano Anglizzato*, в *Renaissance Go-Betweens*, ed. by Andreas Höfele and Werner von Koppenfels, Berlin-New York 2005, pp. 32-54.

** Montaigne, *Essais*, I, XXXIII, Paris 1962, ed. A. Thibaudet et M. Rat, p. 109. См. также Montaigne, *Essays*, London 1613 (первое издание 1605), p. 48: «Существует ли мнение настолько фантастическое, или понятие настолько причудливое (не стану и говорить о великом обмане религий...)».

*** J. Freund, «Le Dieu Mortel», в *Hobbes-Forschungen*, ed. R. Koselleck и R. Schnur, Berlin 1969, pp. 33-52, пишет на с.42: «Comme il y a un droit naturel, il y a aussi une religion naturelle – bien que Hobbes n'utilise pas cette expression – qui a pour fondement la crainte». [«Подобно тому, как су-

доказывал, что религия родилась из страха – из страха, вызванного непониманием действующих в природе причин, которые поэтому подменяются незримыми силами. Такова была главная тема эпикурейской философии, которая вдохновила Лукреция на сочинение обширной поэмы «О природе вещей». Знаменитый эпикурейский афоризм гласил: *Primus in orbe deos fecit timor*, что значит «Первым в мире богов сотворил страх» («The gods were at first created by humane Feare»).* Гоббс цитировал это изречение, добавляя: «и это в отношении богов (т. е. в отношении многобожия язычников) совершенно справедливо». Затем он продолжал: «Однако признание единого бога, предвечного, бесконечного и всемогущего, может быть легче выведено из желания людей познать причины естественных тел и их различных свойств и действий, чем из страха людей перед тем, что с ними может случиться в будущем».** Благодарное, вводящее в заблуждение утверждение; а всего несколькими абзацами ранее Гоббс доказывал обратное – то, что потребность узнать причины сущего порождает «тревогу» и «постоянный страх». В заметке на полях он написал: «Естественная причина религии – беспокойство о будущем».**

Ополчиться на религию, устранив ее корни, иными словами, ложные страхи, порожденные невежеством: такая мысль вдохновила Лукреция на множество великолепных строк, отголосок которых можно уловить между строк Гоббсовых рассуждений. Но есть и одно серьезное расхождение. Гоббс отнюдь не стремится устранить страх: напротив, он

существует естественное право, точно так же существует и естественная религия – хотя Гоббс и не использует такого выражения, – в основе которой лежит страх.] См. также Hobbes, *Leviathan*, ed. С. В. Macpherson, Harmondsworth 1974, p. 167 (пояснение на полях: «Естественная Религия, из того же [любопытства к познанию]»).

* См. также Suetonius, *Div. Jul.* 6: est ergo in genere [amitae meae Iuliae] et sanctitas regum, qui plurimum inter homines pollut, et caerimonia deorum, quorum ipsi in potestate sunt reges [«Вот почему род сей [тетки Цезаря Юлии] облечен неприкосновенностью, как цари, которые могуществом превыше всех людей, и благоговением, как боги, которым подвластны и самые цари». – Пер. М.Л. Гаспарова, с небольшими изменениями]; Horatius, *Carm.* III, 1, 5-6: Regum timendorum in proprios greges, reges in ipsos imperium est Iovis [«Царей бояться должно толпам людей, / самих царей же Зевсова держит власть»] (обе цитаты приведены у К.-Н. Roloff, «Caerimonia», Glotta, XXXII [1952], p. 104).

** Т. Hobbes, *Leviathan*, ed. С. В. Macpherson, p. 170. [Рус. пер. цит. по изд.: Гоббс Т. Сочинения в двух томах. Т. 2. М.: Мысль, 1991. С. 82]

*** Т. Hobbes, *Leviathan*, ed. С. В. Macpherson, p. 168. [Рус. пер. – там же [На полях «Левиафана» Гоббс разместил нечто вроде указателя или подзаголовков для подразделов отдельных глав. В русском издании эти «заметки на полях» (marginal notes)] перенесены внутрь текста и выделены шрифтом –Прим. пер.]]

помещает страх в самое основание Государства.* Он начинает с эпикурейской критики религии, но дальше, похоже, движется в ином направлении. Однако за этим расхождением, которое уже подчеркивалось многими исследователями, таится более сложная аргументация. Можно попытаться разобраться в ней, обратившись к тому месту, где Гоббс, как он часто это делал, смело объединил идеи, почерпнутые из разных источников, отлив их в некую новую форму.

Люди по неведению естественных причин и «в силу обусловленного этим незнанием страха», пишет Гоббс, склонны «предполагать и воображать существование разного рода невидимых сил, благоговеть перед образами своего собственного воображения, призывая их на помощь в моменты несчастий и вознося им благодарность в надежде на успех, делая, таким образом, своими богами творения собственной фантазии».** Снова Гоббс связывает религию со страхом – только в таком контексте, где подчеркивается, что люди склонны «трепетать перед порождениями собственного вымысла». Описывая это явно парадоксальное положение, Гоббс, должно быть, держал в уме поразительную фразу из Тацита: «*fingebant simul credebant*» (*Ann.* V, 10) – «верили в то, что сами же выдумали». Это выражение встречается в трудах Тацита трижды, с незначительными вариациями, когда он описывал, например,

* P. Cristofolini, *Vico pagano e barbaro*, Pisa 2001, pp. 71-74, дает несколько ценных комментариев к этой теме (хотя Гоббс там даже не упомянут, его присутствие как бы подразумевается).

** T. Hobbes, *Leviathan*, p. 167-68 [Рус. пер. – Гоббс Т. Цит. Соч. С. 81]: «И те, кто мало или вовсе не задумывается о естественных причинах существа, однако из страха, каковой вытекает из самого невежества, от незнания того, что за сила причиняет им вред или приносит добро, склонны предполагать, и притворяться перед самими собой, будто существуют различного рода Незримые Силы; и испытывать благоговейный трепет перед плодами собственного же вымысла; и в пору бедствий звать к ним; в пору же неожиданной удачи благодарить их; так из порождений собственной фантазии творят они Богов. Вот как произошло, что от несметных Фантазий люди создали себе несметное множество Богов. И сей Страх перед незримым есть естественный Зародыш того, что каждый для себя нарекает Религией, а, говоря о тех, кто поклоняется или боится этой Силы иначе, нежели сам он, нарекает Суеверием» [Ср. рус. пер. – Гоббс Т. Цит. Соч. С. 80-81]. Латинский перевод (*Opera Latina*, III, p. 84): «Etiam, qui de rerum naturalium causis parum aut nihil solliciti sunt, illis tamen metus quidem inest, ortus ab eo ipso, quod an sit potentia aliqua necne, qua juvari aut laedi possunt, ignorant; atque ab eo metu proclives sunt ad suppositionem et fictionem variorum potentiarum invisibilium, metuuntque sua ipsorum phantasmata, invocantque in rebus adversis, laudantque in prosperis, et faciunt denique Deos. Atque in factum est ut homines a phantasmatibus suis innumerabilibus innumerabiles creaverint sibi Deos. Metus autem invisibilium semen est ejus, quam quisque in seipso *religionem*, in illis autem qui diverse metuunt coluntque, *superstitionem* vocant».

распространение лживых вестей.* Гоббс воспользовался выражением Тацита (перефразированным Бэконом, у которого Гоббс служил секретарем), чтобы описать общее явление – происхождение религии. Глагол «feign» («притворяться»), употребленный Гоббсом, близкий к словам «fiction» («вымысел») и «fictive» («вымышленный»), звучит отголоском латинского глагола, использованного Тацитом: *figebant* («выдумали»).**

8. Цель Гоббса не состояла в том, чтобы искоренить религию как порождение вымысла. Он хотел понять – через парадоксальную формулу Тацита, – отчего религия, порожденная страхом и человеческим воображением, оказалась столь действенной. Данная проблематика оказала глубокое воздействие на мысль Гоббса.*** Та модель, которую он создал для объяснения зарождения религии, вновь всплывает в главном разделе «Левиафана», на той странице, где описывается зарождение Государства.

Согласие животных, объясняет Гоббс, обусловлено природой, «согласие же людей – соглашением, являющимся чем-то искусственным. Вот почему нет ничего удивительного в том, что, для того чтобы сделать это согласие постоянным и длительным, требуется еще кое-что (кроме согла-

* Тацит, *Анналы*, V (правильно, VI; по традиции, сохранена старая система нумерации), 10; *История*, I, 51, 5: «sed plurima ad fingendum credendumque materies»; *История*, II, 8, 1: «Sub idem tempus Achaia atque Asia falso exterritae, velut Nero adventaret, vario super exitu eius rumore eoque pluribus vivere eum fingentibus credentibusque».

** См. также F. Bacon, *The Advancement of Learning* [Ф. Бэкон, «Развитие учености»] (*The Works of Francis Bacon*, ed. J. Spedding, VI, Boston 1863, 1st book, p.125): «Пытливый человек – болтун; по той же причине, левоверный человек – обманщик. Это становится ясно на примере молвы: тот, кто легко верит слухам, так же легко будет разносить слухи и прибавлять к ним что-нибудь от себя; это мудро подметил еще Тацит, когда сказал: *Fingunt simul creduntque* – так тесно породнились вымысел и вера». Здесь я иду по стопам одного из самых проницательных читателей Гоббса, Дж.Вико. См. G. V. Vico, *La Scienza Nuova*, 376 (*Opere*, a cura di F. Nicolini, Milano-Napoli 1953, p. 503; и см. целый раздел «Metafisica poetica») (ср. G. V. Vico, *New Science*, tr. D. Marsh, p. 145). Я разовью эту тему в другой раз. О глаголе *fingo* и его противоречивом смысле см. мое эссе *Das Nachäffen der Natur. Reflexionen über eine mittelalterliche Metapher*, в *Fälschungen*, ed. A.-K. Reulecke, Frankfurt am Mein 2006, pp. 95-122.

*** Вышеупомянутый довод, который указывает на фундаментальную философскую связь между ранним и поздним Гоббсом, не следует путать с заключением К. Скиннера (*Reason and Rhetoric*, особенно pp. 426-437) о том, что связь между ранним и поздним Гоббсом состоит в сходном отношении к риторике. Вывод Скиннера сообразуется с его подходом: «Меня гораздо меньше интересует Гоббс как автор философской системы, нежели его роль и вклад в ряд дебатов о нравственных науках в рамках культуры Ренессанса» (p. 6).

шения), а именно общая власть, *державшая людей в страхе* и направляющая их действия к общему благу».*

Описывая природное состояние, Гоббс воспользовался теми же словами: «Отсюда видно, что, пока люди живут без общей власти, держащей всех их в страхе, они находятся в том состоянии, которое называется войной, и именно в состоянии войны всех против всех».**

В заключение: своим возникновением религия, как и Государство, обязана обычному страху (*fear*), который порождает страх благоговейный (*awe*). Между ними стоит вымысел, который сам навязывает себя своим творцам в качестве реальности:

«Таково рождение того великого Левиафана или, вернее (выражаясь более почтительно), того смертного Бога, которому мы под владычеством бессмертного Бога обязаны своим миром и своей защитой».**

Левиафан, искусственное творение, противостоит тем, кто, в силу договоренности, *сотворил* его, как некое устрашающее, грозное существо. Титульный лист, придуманный Гоббсом, превратил слова Тацита – *fungunt simul creduntque* – во внушительный образ. На первоначальном карандашном рисунке, выполненном Абрахамом Боссом на первой странице пергаментного экземпляра, посвященного Карлу II, каждый из маленьких человечков был обращен лицом к читателю, то есть к королю.**** Окончательный вариант в первом печатном издании, также (как мне кажется) задуманный самим Гоббсом, оказался еще более впечатляющим.***** Множест-

* Ср. «Левиафан», гл. 17 (Macpherson pp. 226-227) (*курсив мой*) [Рус. пер. – Гоббс Т. Цит. Соч. С. 132]. Латинский перевод (*Opera Latina*, III, p. 130): «Postremo, animalium illorum consensio a natura est; consensio autem hominum a pactis est, et artificiale. Mirum ergo non est, si ad firmitatem et durationem ejus aliud praeter pactum requiratur, nempe potentia communis quam singuli metuant, et quae omnium actiones ad bonum commune ordinet».

** Т. Гоббс, «Левиафан», гл. 13 (Macpherson p. 185) (*курсив мой*) [Рус. пер. – Гоббс Т. Цит. Соч. С. 94]. Другая фраза из того же параграфа: «Опять-таки, людям не доставляет удовольствия (а, напротив, только причиняет большие бедствия) нахождение в обществе, где нет такой силы, которая бы устрашала и усмирляла их всех».

*** Ср. «Левиафан», гл. 17 (Macpherson p. 227) [Рус. пер. – Гоббс Т. Цит. Соч. С. 133].

**** Последним замечанием я обязан Карлосу Хадсону (Буэнос-Айрес).

***** N. Malcolm видит замысел Гоббса только в карандашном рисунке (Британский музей, ms. Egerton 1910), который он приписывает Венцеславу Холлару, и признается в неспособности объяснить изменения в более позднем варианте рисунка («The Title-page of *Leviathan*, Seen in a Curious Perspective» (1998), теперь в *Aspects of Hobbes*, pp. 200-233, особенно 200-201). H. Bredekamp приписывает Абрахаму Боссу и рисунок, и (что менее убедительно) гравюру на титульном листе (*Thomas Hobbes visuelle Strategien: der Leviathan, Urbild des modernen Staates; Werkillustrationen und Portraits*, Berlin 1999; см. также обнов-

во людей взирают «в страхе» на «искусственного человека», которого сами же сотворили, – на Левиафана, которого они соорудили по своему же договору.*

9. Как мы видели, Гоббс параллельно выдвигает объяснение и для истоков религии, и для истоков Государства. Но в Государстве, которое он описывает, религия – точнее, Церковь – не имеет ни малейшей самостоятельности. Титульный лист «Левиафана» показывает «Смертного бога», Государство, с мечом в одной руке и епископским посохом в другой. Гоббс указывает, что власть Государства опирается не только на силу, но и на благоговейный страх (*awe*); а это слово, как мы уже видели, играло ключевую роль в тех местах «Левиафана», которые посвящены происхождению религии и происхождению Государства.

Гоббс уже использовал это слово, только в качестве глагола («*awed*»), когда переводил Фукидидово описание последствий чумы в Афинах. «Ни страх перед богами, ни человеческий закон не *удерживал* [никого]», – написал Фукидид. Вы помните перевод Гоббса: «Ни страх перед богами, ни человеческий закон не *внушали трепета* никому». Причину такого расхождения между греческим подлинником и английским переводом можно найти в предыдущей фразе самого Фукидида, где он говорил о «страхе перед богами» (*theon de phobos*). Написав «страх перед богами», Гоббс, должно быть, припомнил, что слово «страх» (*fear*), и как существительное, и как глагол, часто встречается в переводной Библии короля Якова, где оно связывается с Богом и «страхом Божиим». Однако страх Божий и страх – далеко не синонимы. Выражение, к которому прибегнул Святой Иероним в своем латинском переводе Библии, *timor Dei*, или «страх Божий», явилось отголоском греческого выражения *phobos theos*, использованного в так называемой Септуагинте, однако оно не передает многозначности соответствующего древнееврейского слова: *yig'ah*. Сам я совершенно не знаком с древнееврейским языком, но из источников узнал, что

ленную версию: *Thomas Hobbes - Der Leviathan, das Urbild des modernen Staates, und seine Gegenbilder, 1651-2001*, Berlin 2003). Бредекамп отмечает, что толпа на последнем рисунке взирает на гиганта с «*Mischung aus Zuwendung und Devotion*» [со «смесью жертвенности и подобострастия»] (pp. 109-110), но его объяснение изменений в окончательном рисунке не представляется адекватным (p. 114).

* Т. Hobbes, *Leviathan* (ed. Macpherson), введение, p. 81 [Рус. пер. – Гоббс Т. Цит. Соч. С. 6]: «Ибо искусством создан тот великий Левиафан, который называется Республикой, или Государством (*Commonwealth, or State*), по-латыни - *Civitas*, и который является лишь искусственным человеком...»

уig'ah означает одновременно «страх» и «почтение».* Слово timor, выбранное Святым Иеронимом в переводе Библии, не только неточно, но и рискованно, так как timor вызывает в памяти эпикурейское изречение (primus in orbe deos fecit timor), которое увязывает происхождение религии с обычным страхом. Слово же awe, которое в некоторых местах Библии короля Якова характеризует отношение человека к Богу (Пс. 4:4, 33:8, 119:161; Притчи 10), оказывается куда ближе по смыслу к многозначному uig'ah оригинала, как показывают и родственные прилагательные «awesome» [«внушающий страх», «благоговейный»] и «awful» [«ужасный», «величественный»]. Можно предположить, что Гоббс, переводя Фукидида, почувствовал необходимость употребить слово «awed» непосредственно после слова «fear», чтобы передать многозначность отношений, порождаемых религией. Это, возможно, и стало отправной точкой для размышлений Гоббса о страхе.

Слово «awe» – очевидно, как и слово uig'ah, – нелегко перевести на такие языки, как итальянский, французский или немецкий.** Я понял это, когда попытался найти эквивалент слову «awe» в моем родном итальянском языке. Вначале мне на ум пришло старинное слово «terribilità» – его Вазари применил к Микеланджело. Потом – другое решение: «reverenza» («почтение», «благоговение») – слово, которое произошло от латинского глагола vereor, «бояться, опасаться». Но, пожалуй, лучшим итальянским переводом для слова «awe» было бы «terrore», «ужас», «трепет». Косвенное указание на это можно почерпнуть у самого Гоббса:

«Ибо благодаря полномочиям, отданным ему [Левифану] каждым отдельным человеком в государстве, он пользуется такой огромной сосредоточенной в нем силой и властью, что *исходящим от нее ужасом [by terror thereof]* он способен направлять волю всех их к внутреннему миру и к взаимной помощи против внешних врагов».**

* A. Cruden, *A Complete Concordance to the Old and New Testament*, London and New York 1889; B. Fischer, *Novae Concordantiae Bibliorum Sacrorum iuxta Vulgatae Versionem critice Editam*, E. Hatch – H. A. Redpath, *A Concordance to the Septuagint and the Other Greek Versions of the Old Testament*, II, Graz 1954.

** Отсутствие эквивалента для понятия «awe» в немецком языке подчеркивает Н. Bredekamp, «Marks und Signs. Mutmaßungen zum jüngsten Bilderkrieg», в *FAktisch. Festschrift für Friedrich Kittler zum 60. Geburtstag*, hrsg. Von P. Berz, A. Bisch, B. Siegert, München 2003, pp. 163-69, особенно p. 163 (выражаю благодарность Марии Луизе Катони, которая сообщила мне об этой работе).

*** T. Hobbes, *Leviathan*, ed. C. B. Macpherson, Harmondsworth 1974,

Все толкователи объясняют, что Гоббс положил начало современной политической философии, впервые предложив секуляризованное толкование происхождения Государства. Я держусь иного мнения. Гоббс считал, что политическая власть подразумевает силу, но одной силы недостаточно. Государство, этот «Смертный Бог», порожденный страхом, вселяет ужас: чувство, в котором сливаются страх и почтение.* Для того, чтобы подавать себя как законную власть, Государство нуждается в такой орудии (и оружии), как религия. Это объясняет, почему современные размышления о Государстве основываются на политической теологии: такую традицию заложил сам Гоббс.

Это заключение позволяет нам взглянуть с другой точки зрения на феномен, который все еще находится в стадии становления, – на так называемую секуляризацию. Девиз Альберто Джентили *Silete, theologi, in munere alieno* (лат. «Молчите, богословы, в чужих владениях»), цитируемый Карлом Шмиттом, можно отнести равно и к политической теологии, и к секуляризации.** Чисто светская позиция, с которой Гоббс развивал

---

pp. 227-28 (ch. XVII) [Рус. пер. – Гоббс Т. Цит. Соч. С. 133. Перевод исправлен; *курсив мой*. Я исправил «forge» [«формировать»] на «conforge» [«подчинять»], воспользовавшись подсказкой Ричарда Така (N. Malcolm, *Aspects of Hobbes*, p. 228). Ср. также в Библии короля Якова, XIII 3: «For rulers are not a terror to good works, but to evil» [«Ибо правители внушают ужас не творящим благие дела, но творящим злые».] (Я благодарен Пьер-Чезаре Бори, который указал мне на это место.)

* Этот нюанс очень пронизательно уловил (и немедленно отверг) L. Strauss, *The Political Philosophy of Thomas Hobbes*, p. 28: «Ибо к чему еще сводится антитеза между тщеславием и страхом насильственной смерти, как не к «секуляризованной» форме традиционной антитезы между духовной гордыней и страхом Божиим (или смирением), к секуляризованной форме, которая порождена тем, что на смену Всемогущему Господу пришли сверхмогущественные враги, а затем и сверхмогущественное Государство, «смертный Бог»? Но даже если такое сближение верно, из него ни в коем случае не следует, что нравственная антитеза в работе Гоббса, которую мы сейчас обсуждаем, – это всего лишь избыточный остаток традиции, которую принципиально отбросили в сторону». См.: «Левиафан», гл. 17 (p. 89); ср. *De cive*, cap. 6, art. 13; «Левиафан», гл. 30 (pp. 180 ff.). См. также N. Bobbio, «Introduzione al *De cive*» (в Id., *Thomas Hobbes*, Torino 1997), p. 99: «Ed ecco perché lo stato hobbesiano ha un volto così minaccioso: è la risposta della paura organizzata alla paura scatenata. Ma la paura è la sua essenza». [«И вот почему у Гоббсова государства такой грозный лик: это – ответ организованного страха на страх неистовый. Но его сущность все равно – страх.»]

** Здесь я развиваю замечание, почерпнутое у S. Weigel, «Souverän, Märtyrer und 'gerechte Kriege' jenseits des Jus Publicum Europaeum. Zum Dilemma politischer Theologie, diskutiert mit Carl Schmitt und Walter Benjamin», в *Figuren des Europäischen. Kulturgeschichtlichen Perspektiven*, hg. D. Weidner, München 2006, pp. 101-128, особенно p. 108; см. C. Schmitt, «Die vollendete Reformation. Bemerkungen und Hinweise zu neuen Leviathan-Interpretationen», *Der Staat*, IV (1965), pp. 51-69, особенно p. 55. См. также *Politische Theologie. Formen und Funktionen im 20. Jahrhundert*, J. Brokoff и J. Fohrmann (hg.), Paderborn 2003.

свои размышления о Государстве как о «смертном Боге», весь-ма значима. Секуляризация не требует себе отдельной области, независимой от религии: она вторгается в область религии. И реакции против секуляризации, которые мы наблюдаем уже многие годы, можно объяснить (я сказал «*объяснить*», а не оправдать), имея в виду это вторжение.

10. Я начал разговор, сказав, что отдалюсь от настоящего, чтобы под конец вновь обратиться к нему. Многие из вас помнят бомбежку Багдада в марте 2003 года. Та военная операция носила кодовое название «Shock and Awe» («Шок и трепет»). В некоторых итальянских газетах оно переводилось как «Colpire e terrorizzare», что буквально означает «ударить и ужаснуть». Клара Галлини, историк религий, в статье, опубликованной 24 марта 2003 года в *Il Manifesto*, заметила, что такой перевод «не передает зловещей многозначности выражения в оригинале», которое подразумевает не столько ужас в психологическом смысле, сколько «священный трепет». * В той же статье вспоминалось то место из Библии – Исход 23:27, – которое подробно комментировалось в знаменитой книге Рудольфа Отто «Идея священного»: «Ужас Мой пошлю пред тобою и в смущение приведу всякий народ, к которому ты пойдешь», ** – рек Господь. *** В данном случае стоящее в подлиннике древнееврейское слово (*emati*) обозначает, как мне говорили, просто ужас, лишенный какой-либо амбивалентности. Рудольф Отто вспоминал и Бегемота, и Левиафана – чудовищ, описанных в Книге Иова, – как примеры грозной неоднозначности понятия священного. Ни Рудольф Отто, ни Клара Галлини не упоминали имени Гоббса. ****

Намек на Гоббса, скрытый в выражении «Shock and Awe», напротив, немедленно уловил Хорст Бредекамп, написавший блестящее дополнение к своей книге о титульном листе «Левиафана» и его подтексте. (На понятии «awe» наши с Бредекампом пути исследования пересеклись, но по-

* С. Gallini, «Shock & Awe, potere e paura», *Il Manifesto*, 24 Marzo 2003. А. Портелли, вторя Мандзони, пронизательно переводил «percossa, attonita» [«удар, ошеломление»] («Bombarda e doma» [«Бомбардируй и усмиряй»], *Il Manifesto*, 26 Marzo 2003). См. также В. Lincoln, *Holy Terrors: Thinking about Religion after September 11*, Chicago 2003.

** Приводится по переводу Торы под редакцией Давида Иосифона.

*** Вульгата: «Terrorum meum mittam in praecursum tuum, et occidam omnem populum [и истреблю всякий народ] ad quem ingredieris».

**** Ср. R. Otto, *The Idea of the Holy. An Inquiry into the Non-Rational Factor in the Idea of the Divine and its Relation to the Rational*, tr. J. W. Harvey, Oxford 1958, p. 80 (ch. «The Numinous in the Old Testament» о Беремоте и Левиафане).

том разошлись в разных направлениях). Бредекамп указывал на влияние «опошленной версии» идеи Лео Штрауса на американских неоконсерваторов.* Сходное замечание, только с меньшими нюансами, сделал Ричард Дрейтон в статье, вышедшей в газете «Гардиан» 29 декабря 2005 года и посвященной американским неоконсерваторам и их разрушительной внешней политике.** Дрейтон отмечал, что Пол Волфовиц, Ричард Перл и их друзья, вдохновленные учением Лео Штрауса, попытались приспособить идеи Гоббса к двадцатье первому столетию, сея ужас перед технологическим превосходством для того, чтобы одержать верх над предполагаемыми врагами. И «Шок и трепет», и Гоббс, замечал Дрейтон, в итоге ударили по тем, кто решил взять их на вооружение.

Но, разумеется, эта игра не окончена. Харлан Ульман, американский военный аналитик, который придумал в 1995 году лозунг «Шок и трепет», называл в качестве образца данной стратегии Хиросиму. После 11 сентября 2001 года Ульман вновь пошел в атаку. Завершение войны против глобального терроризма, объяснял он в своей книге «Окончание дела», уже близится. «Благодаря сочетанию почти безупречных знаний, скорости, блестящего исполнения и заботы об окружающей среде, – писал он, – мы сможем добиться быстрой, решительной победы с минимальным количеством человеческих потерь»*** Ясно при этом, что Ульман имел в виду только потери с американской стороны; что касается врага, то его потери (в том числе, жертвы среди мирного населения) должны были стать максимальными. Однако новости из Ирака начисто опровергают самонадеянность Харлана Ульмана и ему подобных, уверовавших в свою военную и технологическую мощь.

11. Мы живем в мире, где государства угрожают террором (=ужасом), сеют террор, иногда сами становятся мишенью террора. В мире, населенном как теми, кто пытается похитить освященное веками, могущественное оружие религии, так и теми, кто использует религию в качестве оружия. В мире, где гигантские Левиафаны или находятся в бешеном движении,

* Ср. Н. Bredekamp, «Marks und Signs». См. также беседу Бредекампа с Ульрихом Раульфом в FAZ, 7.4.2003 (цитируется у S. Weigel, «Souverän, Märtyrer und 'gerechte Kriege'», p. 103 note 6).

** R. Drayton, *Shock and Awe and Hobbes have backfired on American Neocons*, «The Guardian», December 29, 2005.

*** H. Ullman, *Finishing Business. Ten Steps to Defeat Global Terror*, pref. by N. Gingrich, Annapolis, MD 2004, p. 55.

или выжидают в засаде. В мире, не сильно отличающемся от того мира, который вообразил и препарировал Гоббс.

Кто-нибудь, пожалуй, возразит, что Гоббс мог бы помочь нам вообразить не только настоящее, но и будущее – отдаленное будущее, пускай и не неизбежное, но, пожалуй, вполне вероятное. Давайте представим, что продолжается неуклонная порча нашей природной среды, и она достигает такого уровня, какой немислим даже сегодня. Загрязнение воздуха, воды и почвы в конце концов поставит под угрозу выживание всех до единого биологических видов – и растений, и животных, включая и вид *Homo sapiens*. На таком этапе не останется иной альтернативы, кроме как установление жесткого, беспримерного контроля над всем миром и его человеческим населением. Выживание человечества потребует такого договора, который не будет слишком отличаться от описанного Гоббсом: каждый в отдельности человек откажется от своей личной свободы в пользу некоего деспотического сверхгосударства – Левиафана, бесконечно более могущественного, нежели те, что возникали в прошлом. Общественные узы спаяют всех в единый железный узел – но не против «нечестивой природы», как выразился итальянский поэт Леопарди в стихотворении *La Ginestra* («Дрок»), а ради выживания хрупкой, ослабшей, раненной природы.*

Давайте же будем надеяться, что это гипотетическое будущее никогда не воплотится в жизнь.**

---

* G. Leopardi, «La Ginestra» (*Canti*, ed. N. Gallo e C. Garboli, Torino 1962, p. 280: «E quell'orror che primo / Contro l'empia natura / Strinse i mortali in social catena...» [«И тот ужас, что некогда / против нечестивой природы / связал всех смертных в общие оковы»]).

** Выражаю благодарность за помощь Перри Андерсону, Марии Луизе Катони, Альберто Гайано, Карлосу Хадсону, Серджо Ландуччи, Тами Сарфатти. Этот доклад читался в разных вариантах в Турине (на Книжном Фестивале), в Иерусалиме (в Еврейском университете), в Венеции (на историческом факультете), в Болонье (на факультете общественных наук), в Стамбуле (в Университете Билги), в Берлине (в Центре литературных и культурных исследований), в Буэнос-Айресе (в Национальной библиотеке), в Сан-Паулу (в Независимом университете Сан-Паулу), в Риме (в европейской докторантуре имени Марии Кюри), в Нью-Йорке (в Колумбийском университете), в Дели (лекция для индийского обзора по экономике и социальной истории). Библиография сведена к минимуму.